

МИХАИЛ
ШУМОВ

МИХАИЛ
ГРОЗНЫЙ
ЦИФРОВОЙ
ВЕК

Михаил Шумов

Михаил Грозный и Цифровой век

<https://litres.ru/74089174>

SelfPub; 2026

Аннотация

Михаил Святославич Грозный, легендарный богатырь, пробуждается от векового сна в секретной лаборатории на окраине Москвы. Он — сын великана-богатыря Святогора, и его кровь хранит тайны древней магии. В новом мире 21-го века, где правит кибернетический Князь Ярополк, а магия соседствует с высокими технологиями, Михаилу предстоит найти свое место. Обретя новых союзников — гениального ученого Захара Петрова, его верного робота Аргуса-7 и даже говорящего Кота, — он вступает в схватку с Лордом Туманом, потомком британских магов. Лорд Туман похитил Кристалл Жизни, угрожая нарушить равновесие планеты. Это история о столкновении эпох, где меч-кладенец встречается с футуристическими кораблями, а древний долг защитника Руси становится личным делом чести и любви.

Михаил Шумов

Михаил Грозный и Цифровой век

Глава 1. Пробуждение богатыря

Воздух пах иначе. Не едким дымом березовых поленьев, не конским потом и не горьким настоем трав, которым врачевали раны. Этот запах был сухим, стерильным, с едва уловимой ноткой озона и разогретого металла. Михаил Святославич, прозванный Грозным, с трудом разлепил веки. Тяжелые, словно налитые свинцом, они нехотя подчинились.

Над ним нависал низкий потолок, усеянный переплетением труб и светящихся панелей. Не было видно ни единого бревна, ни единой иконы. Тишину нарушало лишь тихое, монотонное гудение и едва слышный шелест воздуха.

Он попытался сесть. Тело, закованное в привычную тяжесть доспехов, отозвалось тупой болью в каждой мышце. Но доспехов не было. Он лежал на чем-то жестком и холодном, похожем на каменную плиту, но гладком, как речной лёд. Михаил резко сел, и мир на мгновение поплыл перед глазами. Он был жив. Но где? И сколько времени прошло?

— Феноменально. Показатели жизнедеятельности скачкообразно выросли до ста процентов. Нейронная активность... это просто за гранью! — раздался сбоку скрипучий,

но полный азарта голос.

Михаил рывком повернул голову на звук. В нескольких шагах от него стоял человек. Невысокий, сутулый, в нелепом мешковатом пиджаке из грубой ткани. Лицо его было испещрено морщинами, а седые волосы торчали в разные стороны, словно он только что проснулся... или получил разряд молнии. Человек прижимал к глазам странное приспособление — два стекла в тонкой металлической оправе, от которых тянулся провод к плоскому ящику в его руках.

— Кто ты? — голос Михаила прозвучал хрипло, как скрежет несмазанных ворот. Он поднялся на ноги одним слитным движением, возвышаясь над незнакомцем на целую голову. — Где я? Что это за чертоги?

Человек вздрогнул и чуть не уронил свои стекла.

— Тише, тише! Не делайте резких движений! Вы только что вышли из состояния летаргического анабиоза! Ваш организм пережил колоссальный стресс. Я Захар Васильевич Петров. Вы в моей лаборатории. Судя по первичному анализу тканей... — он поправил съехавшие очки и прищурился, — ...вы пролежали здесь несколько десятилетий. Как вас зовут?

— Михаил Святославич Грозный, — отрезал богатырь, сканируя помещение взглядом в поисках оружия или выхода. — Я помню битву на Огненном рубеже. Помню ярость врагов и звон мечей. А потом... тьма. Ты колдун? Это твои чары держали меня? — Колдун? — Захар Васильевич

неожиданно рассмеялся, но смех его был не злым, а скорее удивленным. — Помилуйте! Я ученый! Физик, механик! Никакой магии, только наука. Хотя... то, что с вами произошло, наука пока объяснить не может. Это же сенсация!

Внезапно из-за спины ученого раздался другой голос — ровный, бархатистый, с едва заметным металлическим эхом.

— Захар Васильевич, я бы рекомендовал соблюдать дистанцию. Субъект демонстрирует высокий уровень адреналина и может быть опасен в нестабильном состоянии.

Из-за плеча Петрова бесшумно выдвинулся силуэт. Ростом с человека, но абсолютно гладкий, серебристый корпус без единого шва. На месте глаз светились два спокойных синих огонька.

Михаил отшатнулся и принял боевую стойку.

— Железный истукан! — прорычал он. — И ты служишь этому колдуну? Прочь с дороги!

— Я не истукан и не служу, — спокойно ответил робот. — Я Аргус-7. Я — автономная интеллектуальная система и верный друг Захара Васильевича. А вы, я полагаю, тот самый спящий богатырь из легенд? Весьма... внушительно.

Аргус сделал шаг вперед, его корпус плавно перетек в другую форму, рука удлинилась и раскрылась ладонью вверх в универсальном жесте мира.

— У нас нет враждебных намерений. Мы хотим помочь вам адаптироваться. Михаил замер. Он ожидал увидеть страх или вызов, но в ровном голосе машины звучала лишь

констатация факта и... любопытство? Он медленно опустил руки.

— Железо говорит? И не пытается меня убить? Мир сошел с ума.

Захар Васильевич, воспользовавшись паузой, подошел ближе, на ходу доставая из кармана пиджака какой-то прибор.

— Именно! Мир сошел с ума! И это прекрасно! Михаил Святославич... вы хоть понимаете, что вы — живая история? Вы спали с конца двадцатого века! Советского Союза больше нет. Сейчас две тысячи двадцать какой-то год.

Слова «Советского Союза больше нет» ударили Михаила сильнее любого кулака. Он пошатнулся.

— Что?.. Нет... Не может быть...

В глазах богатыря на мгновение помутилось от горя. Вся его жизнь, все клятвы... всё обратилось в прах? Он закрыл лицо руками.

Захар и Аргус переглянулись. Ученый снял очки и протер их краем рубашки.

— Тяжело принять такое, я понимаю... Но жизнь продолжается. И долг тоже.

Михаил опустил руки. В его глазах снова вспыхнул огонь.

— Долг? Мой долг перед Империей...

— Ваш долг теперь здесь, — твердо сказал Захар Васильевич, глядя ему прямо в глаза. Он подошел к массивному старому шкафу у стены, который казался здесь совершен-

но чужеродным среди хрома и пластика. Дверца скрипнула. Внутри, на бархатной подушке, лежал он.

Меч-кладенец.

Его лезвие не потускнело за века сна. Оно не знало ржавчины или щербин. Казалось, оно впитывало тусклый свет лаборатории и отражало его своим внутренним сиянием.

Захар бережно взял ножны и повернулся к Михаилу.

— Я нашел его много лет назад при весьма загадочных обстоятельствах. Он ждал хозяина. И я всегда знал, что однажды я отдам его тому, кому он принадлежит по праву.

Он сделал несколько шагов и протянул меч рукоятью вперед богатырю.

— Возьмите его, Михаил Святославич. Возьмите свой меч и свой долг заново. В этом новом мире нужны не только ученые вроде меня или машины вроде Аргуса. Ему нужны вы.

Михаил смотрел то на меч в руках маленького ученого, то на его лицо — лицо человека другой эпохи, который понимал его тоску по утерянному дому лучше многих современников. Он медленно протянул руку и сомкнул пальцы на знакомой рукояти. Тяжесть оружия была привычной, родной. По телу пробежала волна тепла и силы. Он одним движением выхватил клинок из ножен, и лезвие со свистом рассекло воздух, рассыпав по стенам лаборатории сноп холодных искр. Меч пел в его руке. Он был дома.

Михаил Грозный опустил меч и посмотрел на своих новых... союзников? Возможно ли это?

— Я Михаил Святославич Грозный, — повторил он уже другим голосом — голосом воина, готового к битве. — И если Империи больше нет... значит, я буду служить этой земле так, как умею лучше всего.

Он вернул меч в ножны и протянул свободную руку сначала Аргусу-7 (тот осторожно пожал её своей металлической ладонью), а затем Захару Васильевичу.

— Расскажите мне всё о новом мире, друзья мои. У нас впереди много работы.

Глава 2. Знакомство с Князем-киборгом

Выйдя из подъезда старого дома на окраине Москвы, куда его вывел Захар Петров, Михаил Святославич Грозный остановился и замер. Он ожидал увидеть привычный мир: конных дружинников на улицах, деревянные терема, дымы над крышами, услышать звон кузнечных молотов или крики торговцев.

Вместо этого его встретил рев. Низкий, утробный гул, от которого дрожала земля под ногами. По широкой каменной реке, где не было ни единой лошади, с бешеной скоростью проносились разноцветные железные повозки без упряжи, оставляя за собой сизые хвосты дыма. Их были сотни, тысячи. Они слепили глаза огнями, гудели пронзительными звуками и двигались в строгом порядке, словно воины несметной армии.

— Это... дороги? — прогрохотал Михаил, сжимая рукоять меча-кладенца, спрятанного под простым плащом, кото-

рый дал ему Захар.

— Да, это проспект. А те штуки — автомобили. Люди в них едут по своим делам, — ответил Аргус-7, сканируя поток транспорта. Его оптические сенсоры равнодушно фиксировали данные о скорости и плотности потока. — Уровень шума превышает норму для комфортного пребывания человека на восемь децибел.

Михаил сделал шаг вперед, и толпа людей просто обтекла его, как река обтекает валун. На него никто не смотрел. Никто не падал ниц перед великим богатырем. Никто не узнавал героя древних былин. Для этих людей он был просто еще одним прохожим, высоким мужчиной в странном плаще. Про него забыли. Легенды стерлись, превратились в пыльные страницы книг и глупые сказки.

Он шел по улице, и каждый новый вид ранил его душу глубже любого клинка. Вместо деревянных изб — исполинские башни из стекла и бетона, царапающие само небо. Вокруг все светилось, мигало, кричало голосами из маленьких черных зеркал, которые люди держали в руках.

Особенно больно было смотреть на молодых. Группа подростков стояла у стены дома, преградив путь пожилой женщине с сумками. Они громко смеялись, говорили друг другу дерзости, плевали себе под ноги и демонстративно игнорировали ее просьбы пропустить.

— Эй, мелочь! — рявкнул Михаил так, что у самого зазвенело в ушах. Подростки вздрогнули и обернулись. Увидев

его лицо, они мгновенно стушевались и бочком протиснулись мимо, скрываясь в переулке. Женщина благодарно кивнула и пошла дальше, даже не поняв, кто её спаситель.

А рабочие? Мужчины и женщины в спецовках, сидящие на скамейках в обеденный перерыв. Они не разговаривали друг с другом. Не смотрели по сторонам. Их взгляды были прикованы к тем же черным зеркалам в ладонях. Они водили по ним пальцами, улыбались пустоте, жили в каком-то своем мире, отделенном от реальности тонкой стеклянной стеной. Михаил видел усталые лица, но не видел в них той суровой, честной усталости после праведного труда, которую знал всю жизнь.

Я защищал Древнюю Русь, — глухо звучал в его голове страшный вопрос. — Я проливал кровь за Русское царство. Стоял насмерть за Российскую империю. Бился до последнего вздоха за Советский Союз... Ради этого?

Ради хамоватых юнцов, презирающих старость? Ради людей, разучившихся видеть мир вокруг себя, заменивших живое общение пляшущими картинками в руке? Гнев начал закипать в нем, тяжелая волна ярости поднималась из груди. Но тут он вспомнил слова Захара Петрова: *«Ему нужны вы»*. И холодный, логичный голос Аргуса: *«Ваш долг теперь здесь»*.

Нет. Если этот мир пал так низко, значит, он, Михаил Грозный, нужен ему как никогда. Чтобы напомнить людям о чести. О силе. О том, ради чего стоит жить и умирать. Его

цель была ясна. Ему нужна власть. Ему нужно служить тому, кто держит эту землю. Князю.

Кремль возвышался над Москвой-рекой, такой же величественный и неприступный, как и века назад. Но когда Михаил подошел к Спасской башне, дорогу ему преградили не стрельцы, а двое мужчин в строгих серых костюмах с гарнитурами в ушах. — Ваши документы, гражданин, — бесстрастно произнес один из них, окидывая взглядом высокую фигуру Михаила.

— У меня нет ваших бумаг, — спокойно ответил богатырь. — Я пришел говорить с вашим князем. Доложите ему: Михаил Святославич Грозный просит аудиенции. Охранники переглянулись. Один тихо сказал что-то в микрофон. После паузы он кивнул:

— Следуйте за нами.

Его провели длинными коридорами, где древняя роспись на стенах соседствовала с современными системами видеонаблюдения. Наконец, двери из мореного дуба распахнулись, и Михаил вошел в тронный зал.

На троне сидел человек. Или то, что казалось человеком. Правую половину его лица скрывала гладкая кибернетическая маска, поблескивающая тусклым металлом. Левый глаз был человеческим, мудрым и очень уставшим. Второй, искусственный, горел холодным красным светом и медленно сканировал вошедшего. Плечи князя покрывала тяжелая горностаевая мантия, но под ней угадывались очертания ти-

танового экзоскелета.

— Итак, — голос князя был глубоким, но в нем слышалось легкое эхо цифровой обработки. — Значит, легенды не лгут. Пробудившийся богатырь. Мои системы показывают аномальные биометрические данные. Ты действительно тот, за кого себя выдаешь.

— Я Михаил Святославич Грозный, — твердо сказал воин, делая шаг вперед и склоняя голову в знак уважения. — Мой последний подвиг был совершен при Огненном рубеже, в конце дней Советского Союза. Я спал много лет и проснулся сегодня. Я пришел предложить тебе свой меч и свою службу.

Князь Ярополк Юрьевич медленно поднялся с трона. Его движения были плавными, лишенными человеческой резкости.

— Службу? Что ж, я ждал тебя, хотя и не думал, что это произойдет так скоро. Тёмные силы, Михаил Святославич, никуда не делись. Они лишь сменили облик. Теперь они прячутся не в чащобах, а в теневом интернете. Их оружие — не когти и яд, а ложь, отчаяние и алчность. Они развращают души, превращая моих подданных в тех самых подростков и рабочих со смартфонами, которых ты видел на улице.

Князь подошел ближе. Его живой глаз смотрел прямо в душу богатыря.

— Мне не нужен простой воин для битв стенка на стенку. Мне нужен тот, кто сможет стать символом. Кто напо-

нит народу о его корнях. О его силе. О том, что русский дух — это не строчка кода, а нечто большее. Защищать Россию сейчас означает защищать её душу.

Михаил выпрямился во весь рост. Сомнения, гнев, разочарование — всё отступило. Перед ним стоял правитель. Пусть наполовину машина, но его слово было словом истинного государя.

— Государь, — выдохнул Михаил, опускаясь на одно колено и прижимая кулак к сердцу. — Клянусь своей жизнью и честью, я буду твоим щитом. Я очищу эту землю от скверны, будь она древней или новой. Мой меч принадлежит тебе. Князь Ярополк положил свою руку — теплую, человеческую — на плечо коленопреклоненного богатыря.

— Встань, защитник Руси. Добро пожаловать на службу. Твоя война продолжается.

Глава 3. Соловей в Москве-Сити

Князь Ярополк Юрьевич не стал сразу бросать Михаила в бой. Он понимал, что богатырю, проспавшему полвека, нужно время, чтобы освоиться. Первые дни в 21-м веке были похожи на бесконечный, изматывающий сон. Аргус-7 и Захар Петров стали его проводниками в этом странном мире. Они учили его пользоваться деньгами, объясняли, что такое интернет и почему нельзя рубить мечом голографические рекламные щиты.

Но Михаилу этого было мало. Он жаждал действия. Он видел, как изменился мир, но не понимал его новых правил.

Ему нужен был кто-то, кто мог бы объяснить не *как* работают эти железные повозки, а *почему* люди в них стали такими.

Этим человеком стала Ольга Светлова.

Михаил увидел её по телевизору. В одной из передач, посвященных истории России, она с такой страстью и знанием дела рассказывала о реформах Петра I, что богатырь замер перед экраном. Она не просто сыпала датами. Она говорила о душе народа, о его стойкости, о том, как прошлое прорастает в настоящее. Её голос был чистым и звонким, а глаза горели умом и внутренним огнем.

— Кто эта дева? — спросил он у Захара, не отрывая взгляда от экрана.

— Ольга Светлова. Известный политолог, историк. Очень умная женщина. Работает в каком-то крупном аналитическом центре.

«Аналитический центр» оказался небоскребом из стекла и бетона в районе под названием Москва-Сити. Это место вызывало у Михаила глухое раздражение. Башни казались ему уродливыми иглами, пронзающими небо, символом гордыни нового времени. Но ради неё он был готов пойти и туда.

Он вошел в огромный холл одного из зданий, и на него тут же уставились десятки камер. Охранник за стойкой напрягся.

— Вы к кому? У вас назначена встреча?

— Я к Ольге Светловой, — прогудел Михаил, поправляя

плащ, под которым скрывался меч-кладенец.

— По какому вопросу?

— По вопросу истории Руси.

Его слова прозвучали так весомо и странно, что охранник на мгновение растерялся. Этого хватило. Михаил просто прошел мимо него к лифтам. Он не знал номера кабинета, но чувствовал её. Эта способность — чувствовать родственную душу или великое зло — никогда его не подводила.

Он вышел на одном из верхних этажей и пошел по коридору, украшенному мрамором и позолотой. Дверь одного из кабинетов была приоткрыта. Он услышал её голос. — Дмитрий Андреевич, я еще раз повторяю: эта стратегия нежизнеспособна. Мы опираемся на ложные исторические параллели. Это приведет к социальному взрыву, а не к сплочению нации.

Михаил заглянул в щель. Ольга стояла у огромного панорамного окна, за которым раскинулась вся Москва. Напротив неё, за массивным столом из черного дерева, сидел мужчина в безупречном деловом костюме. Его лицо было холерным, гладко выбритым, но глаза... Глаза были холодными и пустыми, как два речных камня.

— Оленька, — голос мужчины был медовым, но в нем слышались стальные нотки. — Вы слишком молоды и... романтичны. История — это не сказка. Это инструмент власти. А власть принадлежит тем, кто не боится запачкать руки.

В этот момент мужчина поднял взгляд и посмотрел пря-

мо на Михаила через отражение в стекле окна. Их взгляды встретились. И Михаил Святославич похолодел. Он знал эти глаза. Он помнил этот хищный прищур и эту змеиную улыбку, пусть сейчас она и была скрыта под маской цивилизованности.

Соловей.

Тот самый разбойник, чье свистящее соло крушило вековые дубы и сносило с голов дружинников шлемы. Тот, кого они с Ильей Муромцем пленили под Черниговом и доставили на суд к князю Владимиру. Михаил отчетливо вспомнил сырую темницу в Киеве. И вспомнил тихий, издевательский смех Соловья-разбойника из угла его клетки. «Сгинешь ты, богатырь», — шептал тогда разбойник. «А я останусь. Придет время, и я буду свистеть на новый лад».

Он сварил свой эликсир бессмертия прямо там, в темнице. И вот он здесь. Не оборванный лесной бандит, а *Дмитрий Андреевич Соловьёв*, серый кардинал современной политики.

Ольга обернулась на шум и увидела Михаила в дверях.

— Вы?... Как вы сюда попали? — её брови удивленно поползли вверх. Михаил шагнул в кабинет. Он не смотрел на Ольгу. Его взгляд был прикован к Соловьёву.

— Здрав будь, Соловей-разбойник, — прорычал он, и воздух в кабинете сгустился от напряжения. — Не чаял я сидеть с тобой так... по-деловому.

Лицо Соловьёва-Соловьёва не дрогнуло. Он лишь отки-

нулся в кресле и сложил пальцы домиком.

— Михаил Грозный. Надо же. А я всё гадал, когда же ты проснешься и начнешь путаться под ногами? Ты всегда был излишне прямолинеен.

Ольга переводила взгляд с одного на другого, ничего не понимая.

— Дмитрий Андреевич? Вы что... знаете этого человека?

— Знаю ли я его? — Соловьёв усмехнулся одними губами. — Это мой старый... знакомый. К сожалению, он страдает манией величия и верит в детские сказки про богатырей и разбойников.

Михаил сделал еще шаг вперед.

— Я видел твой истинный облик тогда, Соловей. И вижу его сейчас за этой маской сытого барина. Ты отравляешь эту землю своим свистом по-новому — ложью и интригами.

Ольга наконец обрела дар речи:

— Пойдите... Вы... Вы действительно Михаил Грозный? Тот самый? Но это же невозможно!

Её глаза расширились от осознания чего-то невероятного. В них не было страха или насмешки. В них был восторг ученого, перед которым только что разверзлась бездна величайшего открытия в истории человечества.

В этот момент Михаил понял две вещи: во-первых, он только что нажил себе смертельного врага в лице всемогущего Соловьёва; а во-вторых... он безнадежно влюбился в эту удивительную женщину с умными глазами историка, ко-

торая смотрела на него так, словно он был ожившим экспонатом из музея, внезапно обретшим плоть и кровь.

Соловьёв нажал кнопку на столе.

— Охрана! Выведите этого сумасшедшего из моего офиса! И вызовите ему санитаров! Михаил не двинулся с места. Он смотрел на Ольгу Светлову, и весь мир для него сузился до её лица.

«Я защищу её», — подумал он с холодной решимостью. «От этого змея я её уберегу». Двери кабинета распахнулись от мощного удара плечом охранника, но для Михаила это уже не имело значения. Битва началась. И первый ход был за Соловьём-разбойником.

Глава 4. Слабость богатыря

Дмитрий Андреевич Соловьёв, он же Соловей-разбойник, не стал кричать, бить посуду или вызывать всю службу безопасности башни. Он просто замер. Его холёное лицо, на котором застыла снисходительная улыбка, не дрогнуло. Но его живой, человеческий глаз — второй, кибернетический, продолжал бесстрастно сканировать богатыря — на долю секунды сузился. В этот миг маска спала, и Михаил увидел за ней ту самую древнюю, звериную злобу, что помнил с киевских времён.

Когда охрана ворвалась в кабинет, Соловьёв поднял руку, останавливая их.

— Выйдите. Все. И закройте дверь.

Тон его голоса не предполагал возражений. Это был не

приказ менеджера подчинённым, а повеление хозяина своим псам. Охранники исчезли так же быстро, как и появились.

Соловьёв медленно поднялся из-за стола. Он обошел его, двигаясь с грацией хищника, и остановился у панорамного окна, глядя на раскинувшийся внизу город. Его отражение в стекле наложилось на вид Москвы.

— Пятьдесят лет... — тихо произнёс он, не оборачиваясь.
— Пятьдесят лет я ждал этого момента. Я чувствовал, как твоя сила дремлет где-то под землёй. Я боялся потревожить твой сон раньше времени. Я строил свою империю. Я стал серым кардиналом этой страны. Я научился свистеть по-новому. Мои трели теперь сносят не дружинные шлемы, а рейтинги политических оппонентов. Мои песни сеют не панику в рати, а раздор в умах.

Он наконец повернулся. Его взгляд скользнул по Михаилу, оценивая его заново. — Я изучал тебя, спящего. Я знаю всё о твоей силе. Кровь Святогора течёт в твоих жилах. Ты неуязвим для обычного оружия. Тебя нельзя отравить, нельзя взять измором. У тебя нет слабостей воина. Ты — идеальная боевая машина прошлого. Соловьёв сделал паузу и перевёл взгляд на Ольгу. Она стояла у своего стола, прижав руку к груди, и слушала этот диалог с ужасом и трепетом, словно стала свидетельницей ожившего кошмара или величайшей исторической драмы. — Но я ошибался, — продолжил Соловьёв, и его голос стал бархатным, почти ласковым. — У тебя есть слабость. И она стоит прямо здесь.

Михаил инстинктивно шагнул вперёд, закрывая собой Ольгу. — Не смей!..

— О-о-о... — Соловьёв усмехнулся и поднял палец вверх. — Вот оно! Я видел это в твоих глазах там, в коридоре. Я видел это сейчас в твоём движении. Ты защищаешь её. Ты готов умереть за неё.

Он подошёл ближе к Ольге, которая отшатнулась от него, но упёрлась спиной в стол. — Милая Ольга... — Соловьёв взял её за подбородок холодными пальцами. Она вздрогнула, но не посмела отстраниться. — Вы даже не представляете, какой подарок мне сделали сегодня. Вы — его ахиллесова пята.

— Отпусти её! — голос Михаила был подобен раскату грома. Он сжал кулаки так, что побелели костяшки.

Соловьёв отпустил Ольгу и театрально развёл руками.

— Смотри-ка! Он готов нарушить приказ своего князя-коборга ради тебя! Он готов бросить вызов мне — тому, кого он поклялся уничтожить! Твоя сила стала твоим проклятием, богатырь. Она сделала тебя одиноким на века. А теперь... теперь у тебя есть слабое место.

Он вернулся к своему столу и нажал кнопку селектора.

— Катя? Отмени все мои встречи на сегодня и завтра. И принеси нам чаю... настоящего, русского.

Отключив связь, он посмотрел на Михаила с торжеством победителя.

— Ты думаешь, я боюсь твоего меча? Твоей силы? Нет.

Я боюсь только одного — что ты будешь действовать необдуманно. А теперь ты будешь связан по рукам и ногам. Каждый твой шаг ради неё будет моим шагом к власти. Каждая её прогулка по городу будет для меня заложницей твоего послушания.

Ольга наконец обрела дар речи. Она смотрела то на Соловьёва с его змеиной улыбкой, то на Михаила, чьё лицо исказилось от бессильной ярости и боли. — Вы... вы оба сумасшедшие! Это какой-то бред! Дмитрий Андреевич, что происходит?!

Соловьёв посмотрел на неё с почти отеческой нежностью. — Происходит то, Оленька, что вы только что стали самым важным человеком в этой стране. Для него — светом в окне. Для меня — рычагом управления самым грозным оружием в истории.

Он сел в своё кресло и сложил руки на животе.

— А теперь давайте пить чай и обсудим правила игры. Михаил Святославич... вы ведь останетесь? Вы ведь не бросите даму в такой неловкой ситуации? Я бы на вашем месте остался.

Михаил стоял как скала посреди бушующего моря лжи и интриг. Он видел ловушку так же ясно, как видел бы медвежий капкан на лесной тропе. Но чтобы вырвать из него ногу, нужно было оставить в нём Ольгу.

Он проиграл этот раунд ещё до того, как вступил в бой. Его главная битва была не с темными силами из сказок. Его

главная битва только начиналась — битва за сердце женщины в мире без чести и правил против врага, который не знал жалости тысячи лет.

Он медленно опустил в кресло напротив Соловьёва.

— Чай так чай... — прорычал он, не сводя пылающего взгляда с врага. — Но помни, Соловей: ты можешь угрожать ей сколько угодно. Но если с её головы упадёт хотя бы один волос по твоей вине... никакие интриги тебя не спасут.

Соловьёв лишь улыбнулся в ответ и разлил по чашкам ароматный напиток. Игра началась.

Глава 5. Угроза Соловья

Воздух в кабинете Соловьёва, казалось, можно было резать ножом. Он был густым от невысказанных угроз, вековой ненависти и липкого, холодного страха, который Ольга пыталась, но никак не могла скрыть. Михаил сидел напротив своего врага, и его огромная фигура казалась высеченной из гранита. Но внутри у него бушевала буря. Он чувствовал себя зверем в клетке, у которого на глазах мучают его детёныша. Каждая минута, проведенная в этом стеклянном тереме, была пыткой.

Соловьёв же, напротив, наслаждался моментом. Он пил чай мелкими глотками, причмокивая, и с видимым удовольствием наблюдал за этой немой сценой. — Удивительный напиток, — наконец нарушил он тишину. — Знаете, в чём секрет хорошего чая? В правильной температуре воды и времени заваривания. Малейшее отклонение — и благородный

напиток превращается в горькую бурду. Так и с властью. Малейшая ошибка — и вся империя рушится. Я не совершаю ошибок уже много веков. — Твоя главная ошибка была тогда, в Киеве, — глухо прогудел Михаил. — Ты не убил меня, когда была возможность. Решил поглумиться.

— О, нет-нет-нет! — Соловьёв картинно замахал руками. — Это была не ошибка. Это был урок. Я показал тебе и твоему туповатому другу Илье, что даже в цепях я сильнее вас. Я был свободен в своей темнице, а вы были рабами своего долга. Вы служили князьям, которые предавали вас. Вы служили идеям, которые умирали. А я служил только себе.

Он резко повернулся к Ольге. Она стояла у окна, обхватив себя руками, словно ей было холодно.

— А вы, Ольга? Вы ведь историк? Вы изучаете нас. Скажите, что движет такими людьми, как он? — Соловьёв кивнул на Михаила. — Что заставляет их класть жизнь на алтарь? Ради чего? Ради вот этого? — он широким жестом указал на Москву за окном. — Ради людей, которые смотрят в свои светящиеся стекляшки и не видят ничего дальше своего носа?

Ольга вздрогнула и подняла на него глаза. В них не было страха, только глубокая, всепоглощающая печаль.

— Я... я не знаю, — тихо сказала она. — Может быть... может быть, они делают это ради тех немногих, кто всё ещё способен видеть? Ради того, чтобы у остальных был шанс проснуться.

Её слова повисли в воздухе. Михаил посмотрел на неё с такой благодарностью и болью, что Соловьёв поморщился.

— Сентиментальная чушь! — фыркнул он. — Но красивая. В этом вся ваша беда, Михаил Святославич. Вы верите в людей больше, чем они того заслуживают. Соловьёв встал и подошёл к своему столу. Он нажал несколько кнопок на панели, и часть стены отъехала в сторону, открывая огромный экран.

— Смотрите.

На экране замелькали кадры: новостные репортажи о митингах, кадры с мест катастроф, отчёты о падении биржевых индексов.

— Это — моя симфония. Мой новый свист. Я дирижирую этим хаосом из тени. Я натравливаю одних на других. Я сею сомнения и страх. И пока вы спали в своей ледяной гробнице, я строил этот мир по своему образу и подобию. Мир слабых, зависимых людей.

Он выключил экран и снова посмотрел на Михаила.

— Но ты... ты можешь всё испортить. Твой меч-кладенец может разрубить не только плоть моих наёмников, но и тонкие нити моих интриг. Ты — анахронизм. Ошибка в системе. И я тебя устраню.

Внезапно тон его голоса изменился. Из бархатного он стал стальным, режущим. — Но не сегодня. Сегодня ты уйдёшь отсюда живым. И она уйдёт с тобой.

Михаил напрягся.

— В чем подвох?

— Никакого подвоха. Я же сказал: я не совершаю ошибок. Если я убью её сейчас — ты сойдёшь с ума от ярости и разнесёшь всё вокруг. Ты станешь неуправляемым стихийным бедствием. Ты убьёшь меня? Возможно. Но какой ценой? Ты уничтожишь всё то небольшое светлое, что ещё осталось в этом мире ради мести. Ты станешь таким же чудовищем, как я.

Соловьёв обошел стол и остановился прямо перед Михаилом.

— Нет. Я не буду её убивать. Я буду её *использовать*. Она будет моим живым щитом. Пока она жива и находится там, где я захочу... ты будешь играть по моим правилам. Ты будешь послушным псом у трона киборга-князя. Ты будешь делать то, что я скажу: сражаться с мелкими бесами по углам, пока я буду перестраивать фундамент этого государства.

Он наклонился к самому уху богатыря.

— А если ты решишь послушаться... я не убью её быстро и милосердно. Я разрушу её жизнь медленно. Я сотру её репутацию в порошок. Я сделаю так, что она сама возненавидит тебя за то, что ты принёс в её мир этот кошмар.

Михаил медленно поднялся во весь свой исполинский рост. Его кулаки были сжаты так крепко, что казалось, сейчас треснут кости.

— Ты... — прорычал он так низко, что задрожали стёкла в шкафах. — Ты заплатишь за каждое слово.

Соловьёв лишь улыбнулся.

— Конечно заплачу. Мы оба заплатим своей вечностью за эту партию. А теперь вон из моего кабинета! Оба! И помните: я всегда слежу за вами.

Они вышли молча. В лифте Ольга прижалась к стене, словно боясь упасть. Михаил стоял неподвижно, глядя на убегающие вниз цифры этажей на табло. Его лицо было маской холодной ярости.

Когда они вышли на улицу и холодный осенний ветер ударил им в лицо, Ольга наконец заговорила:

— Что... что нам теперь делать? Он... он же чудовище...

Михаил медленно повернулся к ней. В его глазах плескалась такая тьма и такая решимость, что ей стало страшно по-настоящему.

— Мы будем играть по его правилам... пока не поймём его игру лучше, чем он сам. Я поклялся служить Руси и её князю-киборгу против тёмных сил. Но главная тёмная сила сейчас сидит в том небоскрёбе и пьёт чай.

Он положил свою огромную ладонь ей на плечо. Это было прикосновение горы — тяжёлое, но надёжное.

— Я клянусь тебе своим именем и своей силой: я не позволю ему причинить тебе вред. Что бы ни случилось, я буду рядом.

Ольга посмотрела в его глаза и увидела там не только ярость древнего воина, но и что-то новое — нежность и отчаянную потребность защитить то хрупкое и светлое, что он

нашёл в этом чужом для него мире.

Она накрыла его ладонь своей маленькой рукой.

— Я... я верю вам.

Михаил кивнул и посмотрел на уходящие в небо башни Москва-Сити. Его война изменилась. Теперь это была не битва добра со злом на поле брани. Это была тайная война в лабиринтах власти, где оружием были интриги, а полем боя — человеческие души.

И он только что получил свой первый приказ от врага: выжить и защитить её любой ценой.

Он был готов к этому приказу всей своей бессмертной жизнью.

Глава 6. Смерть бессмертного врага

Информация о местонахождении логова Соловья-разбойника, добытая Аргусом-7, жгла Михаилу грудь. Старый сталелитейный завод на окраине, километры ржавых труб и заброшенных цехов — идеальное место для змеиного гнезда. Михаил не стал ждать подкрепления или плана. Ярость, копившаяся с момента встречи в стеклянной башне, требовала выхода. Он должен был уничтожить эту заразу раз и навсегда. Он пришёл один. Ворвался на территорию через главные ворота, снося их одним ударом плеча. Десять охранников в черной тактической экипировке среагировали мгновенно, взяв его на прицел автоматов.

— На землю! Лицом вниз! Оружие на землю!

Михаил медленно обвел их взглядом, полным ледяного

презрения.

— Вы — не воины. Вы — падальщики, прислуживающие трусу.

Он не стал доставать меч. Он просто шагнул вперёд.

Первая же очередь, выпущенная в упор, не причинила ему никакого вреда. Пули с визгом срикошетили от его груди, не оставив даже царапины. Кровь великана Святогора была лучшей бронёй.

В следующую секунду Михаил взорвался движением. Он не был просто сильным — он был быстрее мысли. Один удар кулаком в грудь отбросил ближайшего охранника на пять метров, впечатав его в бетонную стену. Второй получил удар ногой в голову, и шлем на нём смялся, как бумажный стаканчик.

Это не было боем. Это было избиение. Богатырь прошёл сквозь отряд, как нож сквозь масло. Он ломал кости, вырывал оружие из рук и швырял людей, словно тряпичных кукол. Через тридцать секунд всё было кончено. Десять тел лежали на грязном асфальте, а Михаил, даже не запыхавшись, перешагнул через них и направился к центральному цеху.

Соловей ждал его. Он стоял в центре огромного пустого ангара, освещённый тусклым светом одинокой лампы под потолком. На нём больше не было дорогого костюма — только чёрные тактические штаны и простая майка.

— Я ждал тебя, — спокойно сказал Соловей. В его голосе не было страха. — Я знал, что твоя гордыня не позволит тебе

прятаться.

— Твоя песенка спета, Соловей, — прогремел Михаил, доставая из-под плаща меч-кладенец. Клинок загудел в ножнах, предвкушая кровь.

Соловей лишь усмехнулся и сделал шаг назад. Из-за его спины появились два самурайских меча — две идеально отполированные катаны.

— Я учился у лучших мастеров Востока, пока ты спал. Я постиг их искусство за века своего существования.

Он крутанул мечи в руках, описав сверкающую восьмёрку.

— Посмотрим, так ли крепка твоя шкура против острой стали!

Схватка была яростной и молниеносной. Звон металла о металл заполнил ангар.

Катаны Соловья были быстрыми, как жалящие змеи. Он атаковал со всех сторон. Но Михаил стоял как скала. Меч-кладенец в его руках казался невесомым. Он парировал удары с лёгкостью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.